

что утруждаю васъ этимъ. Отъ Сергѣенко объ альманахѣ никакихъ свѣдѣній не имѣю; вышелъ онъ или же нѣтъ, въ газетахъ ничего объ этомъ не встрѣчалъ, а между тѣмъ хотѣлось—бы это знать, и извѣстій объ этомъ я жду съ нетерпѣніемъ. Я былъ чрезвычайно обрадованъ, когда вы въ письмѣ отъ 1 февраля писали, что общеніе со мною вамъ будетъ очень дорого, я надѣялся, что это общеніе приведетъ ко многому. Но затѣмъ, когда это общеніе оказалось только внѣшнимъ, когда по существу нашего разномыслія я не получилъ отъ васъ ни строчки, ни слова, я былъ совершенно обезкураженъ, а когда г-нъ Гусевъ въ письмѣ отъ 29 іюня написалъ, что книжка Н. Ѳ. Федорова по своимъ основнымъ взглядамъ вамъ была извѣстна и раньше, я понялъ, что вы не прочли и не хотите прочесть эту книгу. Васъ удовлетворяетъ ученіе о томъ, что тѣло наше не можетъ быть безсмертно, а духъ не можетъ быть смертенъ, какъ пишетъ Гусевъ, что смерть есть переходъ къ новой, неизвѣданной, совсѣмъ новой, другой, большой радости (стр. 30 брошюры „Для чего мы живемъ?“ Изд. Посредника № 589, 1906 г.) Но если смерть лучше жизни, то зачѣмъ же мы живемъ, зачѣмъ намъ общеніе, зачѣмъ намъ любовь, развѣ умереть каждый не можетъ самъ одинъ, безъ общенія съ другими?... Васъ удовлетворяетъ ученіе, по которому—„надо быть, какъ вода. Нѣтъ препятствій, она течетъ; плотина,—она остановится; прорвется плотина,—она снова потечетъ; въ четырехугольномъ сосудѣ она четырехугольна, въ кругломъ она кругла. Оттого-то она нужнѣй всего и сильнѣе всего“ (стр. 11 той же брошюры). Но чему же вы учите, куда идете и хотите вести другихъ. Что значить это ваше „*Не могу молчать*“ Не есть-ли то, противъ чего вы возмущаетесь, плотина, насъ сдерживающая, тотъ сосудъ, въ который мы заключены и который дѣлаетъ насъ четырехугольными? или круглыми? (Писалъ я это тогда когда еще не читалъ—„Не могу молчать“). Впрочемъ, согласно вашихъ воззрѣній, мы никогда и знать не будемъ, какую форму мы изъ себя изображаемъ; это видитъ кто-то другой, которому это также ни на что не нужно (стр. 30-я той же брошюры). Да, ваше ученіе можетъ привести только въ отчаяніе, и вы великій грѣхъ совершаете, распространяя это ученіе, а не тая его про себя. Советѣмъ иное ученіе Н. Ѳ. Федорова. Если-бы вы прочли его книгу, которую я послалъ вамъ, то вы увидали-бы, что ваше знаніе основныхъ будто-бы взглядовъ этой книги равняется полному незнанію, прочитавъ внимательно, вдумчиво, вы увидали-бы все величіе проповѣдуемаго ею, и тогда вы поняли-бы, какъ понималъ это В. С. Соловьевъ, что только эта книга есть движеніе „*впередъ челоуѣческаго духа по пути Христову со времени появленія христіанства*“. В. С. Соловьевъ понималъ это, но не послѣдовалъ по пути, который самъ призналъ путемъ Христовымъ, почему не послѣдовалъ,—на это могъ бы отвѣтить онъ самъ, В. С. Соловьевъ. Простите, что пишу все это; но мнѣ больно, что такая сила, какъ вы, растрачивается не только бесплодно, но и съ величайшимъ вредомъ всѣмъ вамъ близкимъ, нашему отечеству и всему роду челоуѣческому. Еще разъ прошу васъ простите меня, для котораго было бы великимъ счастьемъ быть единомысленнымъ съ вами. Вѣрный 30 октября 1908 г. .